

УДК 811.511.152.1

DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-2-207-216

**Морфологическое маркирование аккузатива
в грамматических формах существительного
и местоимений эрзянского диалектного ареала**

Н. А. Агафонова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
ohanina@rambler.ru*

И. Н. Рябов

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
ryabov.74@bk.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В эрзянском языке прямой объект выражается разными способами. Нет единого мнения и о морфологическом маркировании и структуре суффиксов прямого объекта в грамматических формах.

В процессе развития мордовских языков формальные признаки аккузатива **-m* и генитива **-n* нивелировали в пользу *-ñ*. Отсутствие отдельного морфологического маркера аккузатива в падежной парадигме мордовских языков привело к тому, что значение прямого объекта чаще всего связывают с генитивом. Однако в эрзянском диалектном ареале нами зафиксированы грамматические формы, где маркирование аккузатива происходит с помощью суффикса *-t'*.

Цель: провести анализ и описание грамматических форм аккузатива единственного числа определённого склонения имени существительного и личных местоимений 2-го и 3-го лица единственного числа, в которых аккузатив маркируется суффиксом *-t'*.

Материалы исследования: полевые материалы авторов, собранные во время диалектологических экспедиций на территории Республики Мордовия и в местах компактного проживания эрзи в Заволжье и Южном Урале, а также диалектные материалы словарного кабинета Мордовского государственного университета.

Результаты и научная новизна. В диалектном суффиксе аккузатива *-št'* определённого склонения элемент *-š-* чаще всего рассматривается как флексивный суффикс, а элемент *-t'* – морфема определённости. В результате проведённого анализа выявлено, что в суффиксе *-št'* компонент *-š-* является морфемой определённости единственного числа как и в номинативе, а компонент *-t'* – суффикс прямого объекта.

В эрзянских диалектах маркер прямого объекта *-t'* также прослеживается в формах генитива-аккузатива личных местоимений *toñt'* 'твой', 'тебя', *sonzet'* 'его'. В этих словоформах компонент *-t'* изначально выражал только семантику объекта.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в эрзянском диалектном ареале в падежных формах единственного числа определённого склонения имени существительного и личных местоимений 2-го и 3-го лица единственного числа выделяется падежный маркер аккузатива *-t'*.

Ключевые слова: эрзянский язык, грамматические формы, генитив, аккузатив, прямой объект, морфема определённости, личные местоимения.

Для цитирования: Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Морфологическое маркирование аккузатива в грамматических формах существительного и местоимений эрзянского диалектного ареала // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 207–216.

**Morphological marking of the accusative
in grammatical forms of a noun and pronouns in the Erzya dialect area**

N. A. Agafonova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
ohanina@rambler.ru*

I. N. Ryabov

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
ryabov.74@bk.ru

ABSTRACT

Introduction: in the Erzya language, the direct object is conveyed by different ways. There is no consensus on the morphological marking and structure of the direct object suffixes in grammatical forms.

In the process of development in the Mordovian languages, the formal signs of the accusative **-m* and the genitive **-n* leveled in favor of *-ń*. The absence of a separate morphological marker of the accusative in the case paradigm of the Mordovian languages has led to the fact that the meaning of the direct object is most often associated with the genitive. However, in the Erzya dialect area we have fixed grammatical forms where marking of the accusative occurs is with the suffix *-t*.

Objective: to analyze and describe the grammatical forms of the singular accusative of definite declension of a noun and personal pronouns of the 2nd and 3rd person singular, in which the accusative case is marked with the suffix *-t*.

Research materials: field materials collected by the authors during dialectological expeditions both on the territory of the Republic of Mordovia and in the places of compact residence of the Erzya people in the Volga Region and the Southern Urals, as well as dialect materials of the Dictionary Room of the Mordovian State University.

Results and novelty of the research: in the dialect accusative case suffix *-st* of the definite declension, the element *-s* is most often considered as an inflectional suffix, and the element *-t* as a definiteness morpheme. As a result of the analysis, it was revealed that in the suffix *-st* the component *-s* is a definiteness morpheme of the singular, as in the nominative case, and the component *-t* is the suffix of the direct object.

In the Erzya dialects, the direct object marker *-t* is also traced in the genitive-accusative forms of personal pronouns *tonń* 'your', 'you', *sonzeń* 'his'. In these word forms, the *-t* component initially denoted only the object semantics.

The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time in the Erzya dialect area in the case forms of the singular of the definite declension of a noun and personal pronouns of the 2nd and 3rd person singular, the accusative case marker *-t* is distinguished.

Key words: Erzya language, grammatical forms, genitive, accusative, direct object, definiteness morpheme, personal pronouns.

For citation: Agafonova N. A., Ryabov I. N. Morphological marking of the accusative in grammatical forms of a noun and pronouns in the Erzya dialect area // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2022; 12 (2): 207–216.

Введение

В мордовских языках в падежных парадигмах семантика прямого объекта часто передаётся аккузативом. Однако в изданиях, посвящённых описанию грамматического строя мордовских языков, аккузатив как самостоятельный падеж в падежных парадигмах не рассматривается [7; 8; 11; 28; 29; 23; 31, 242–248; 34, 44], тогда как при диахронном описании падежной системы мордовских языков выделяется аккузатив с суффиксом **-m* [6, 50; 17, 29; 21, 294; 22, 58–60;]. В этих работах отмечается, что в процессе развития мордовских языков формальные признаки аккузатива с суффиксами **-m* и генитива **-n* нивелировались в пользу **-n*, который на мордовской почве стал палатальным.

Морфологическая неопределённость аккузатива отдельным маркером привела к тому, что его значение чаще всего приписывается генитиву. Генитив и аккузатив совпали по форме, но различаются по функции. Основное значение генитива – посессивность, аккузатива – выражение объекта. В связи с этим аккузатив в мордовских языках рассматривается многими исследователями как основной падеж объекта [3; 5, 13; 15, 5; 19, 194–196; 22, 58; 24; 26, 22; 27, 75].

Аккузатив с древним суффиксом **-m* выделяют при реконструкции древней системы падежей финно-угорского языка-основы, который сохранился в марийском, саамском (южн.), мансийском, ненецком, нганасанском, селькупском и камасинском языках [16, 70–72; 21, 294; 30, 282; 32, 201; 33, 68–69]. Однако нет никаких следов аккузатива **-m* в венгерском и хантыйском языках [14, 241]. В падежной парадигме современного венгерского языка аккузатив маркируется формантом **-t* [21, 295].

На наш взгляд, формант аккузатива **-t* сохранился как морфологический маркер объекта в грамматических формах, зафиксированных в эрзянском диалектном ареале. В них морфологический маркер *-t* наличествует в формах определённого склонения имени существительного, личных местоимений единственного числа, а также в формах объектного спряжения глаголов.

Материалы и методы

Диалектный материал для исследования собран авторами в полевых условиях во время диалектологических экспедиций как на территории Республики Мордовия (Кочкуровский,

Дубенский, Больше-Игнатовский и Большеберезниковского районы), так и в местах компактного проживания эрзи в Заволжье и Южном Урале (Ульяновская, Самарская и Оренбургская области) в 2019 и 2021 гг.

Дополнительным источником при подготовке исследования послужили диалектные материалы словарного кабинета филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, собранные на протяжении пятидесяти лет при проведении диалектологических экспедиций в различные районы Республики Мордовия и места компактного проживания эрзи и мокши на территории Российской Федерации.

При решении конкретных исследовательских задач использовались эвристические методы лингвистического анализа, которые в диалектологических исследованиях связаны со сбором документов и фактов. Процесс фиксации языкового материала проводился с помощью программы-вопросника, отражающего лексическое, фонетическое и морфологическое варьирование мордовских диалектов и говоров [2].

В ходе анализа в работе применялись описательный и сравнительно-исторический методы.

Результаты

1. Рефлексы аккузатива в формах определённого склонения имени существительного эрзянского диалектного ареала

В эрзянском диалектном ареале в падежных парадигмах определённого склонения имени существительного нами зафиксированы четыре суффикса генитива-аккузатива: *-ńt'*, *-śt'*, *-t'*, *-źiń* [1, 164]. Эти суффиксы условно можно разделить на две группы: 1) падежные форманты с элементом *-ń* (*-ńt'* и *-źiń*) и 2) падежные форманты с элементом *-t'*: (*-ńt'*, *-śt'*, *-t'*).

Падежные суффиксы первой группы *-ńt'* и *-źiń* прозрачны и последовательны по своей структуре. Они содержат падежный маркер генитива-аккузатива *-ń*, который имеет разное местоположение по отношению к морфеме определённости.

Морфема *-ńt'* состоит из суффикса генитива-аккузатива *-ń* + морфема определённости *-t'*: *vele-ń-t'* (село-DEF.SG-GEN/ACC) 'этого села', 'это село'; *kudo-ń-t'* (дом-DEF.SG-GEN/ACC) 'этого дома', 'этот дом'; *pakśa-ń-t'* (поле-DEF.SG-GEN/ACC) 'этого поля', 'это поле'; *lišme-ń-t'* (лошадь-DEF.SG-GEN/ACC) 'этой лошади'; 'эту лошадь'. Диахронно морфема *-ńt'* возникла из

суффикса генитива *-ń* (ф.-у. ген. *-n) и указательного местоимения *t'e* 'этот' (ф.-у. *-tV) и утвердившаяся в сфере генитива, была перенесена в формы остальных падежей единственного числа [6, 79–80]. По мнению Б. А. Серебренникова источником морфемы *-ńt'* явилась форма генитива, в которой произошло переразложение основ, и суффикс генитива *-ń* отошёл к форманту *-t'*, составив вместе с ним морфему определённости *-ńt'* [17, 46–47].

Морфема *-źiń* состоит из морфемы определённости *-ź-* + интерфикс + падежный суффикс генитива *-ń*: *lej-e-ź-i-ń* (река-INT-DEF.SG-INT-GEN/ACC) 'этой реки', 'эту реку'; *úele-ź-i-ń* (село-DEF.SG-INT-GEN/ACC) 'этого села', 'это село'; *úir-e-ź-i-ń* (лес-INT-DEF.SG-INT-GEN/ACC) 'этого леса', 'этот лес'; *paťa-ź-i-ń* (старшая сестра-DEF.SG-INT-GEN/ACC) 'этой старшей сестры', 'эту старшую сестру'. Формы генитива-аккузатива с морфемой определённости *-ś-* / *-ź-* диахронно восходят к древней указательной местоименной основе **sy-* [17, 45]. В интервокальной позиции суффикс *-ś-* перешёл в *-ź-*: **iľev-e-ź-i-ń* (берёза-INT-DEF.SG-INT-GEN/ACC) 'этой берёзы', 'эту берёзу', *kudo-ź-i-ń* (дом-DEF.SG-INT-GEN/ACC) 'этого дома', 'этот дом', *lomań-e-ź-i-ń* (человек-INT-DEF.SG-GEN/ACC) 'этого человека'.

Падежные формы генитива-аккузатива эрзянского языка с морфемой определённости *-ś-* / *-ź-* необходимо отделять от мокшанских словоформ с посессивными суффиксами, которые выступают с вторичным суффиксом 1-го л. ед. ч. *-že*. Значения этих форм различаются, хотя по структуре и фонетическому оформлению они близки. Формы мокшанского языка с суффиксом *-že* выражают посессивное значение 1-го л. ед. ч.: *ava-že-ń* (мать-SG.POSS.1-GEN/ACC) 'моей матери', 'мою мать', *ćora-že-ń* (сын-SG.POSS.1-GEN/ACC) 'моего сына', *kudo-že-ń* (дом-SG.POSS.1-GEN/ACC) 'моего дома', 'мой дом'.

Для суффиксов второй группы *-ńt'*, *-śt'*, *-t'* общим является элемент *-t'*, который по происхождению восходит к древнему указательному местоимению **-tV*. Однако семантическая нагрузка этого элемента в данных морфемах неодинакова.

Если в морфеме генитива-аккузатива *-ńt'* в кодифицированном языке и во многих диалектах элемент *-t'* выполняет только функцию определённости, то в ряде эрзянских говоров и диалектов, а также в мокшанском литературном языке морфема генитива-аккузатива *-t'* является флек-

тивной. Она выполняет как функцию генитива и аккузатива, так и функцию определённости: *úir'-t'* (лес-DEF.SG.GEN/ACC) 'этого леса', 'этот лес'; *skal'-t'* (корова-DEF.SG.GEN/ACC) 'этой коровы', 'эту корову'; *kut'-t'* (дом-DEF.SG.GEN/ACC) 'этого дома', 'этот дом'. Сравнивая с соответствующей формой эрзянского языка, А. П. Феоктистов пишет, что морфема генитива мокшанского языка *-t'* образовалась из *-ńt' > t't' > t'* [20, 293].

В этой группе особый интерес представляет суффикс генитива-аккузатива *-št'*. В этих падежах эта морфема флексивна: передаёт семантику генитива и детерминативности, тогда как в других косвенных падежах она выполняет только функцию детерминатора. Этот суффикс характерен для эрзянских говоров сёл Ардатовского и Большеигнатовского районов (северо-западный диалектный тип), для многих сёл Атяшевского района (центральный диалектный тип), Дубенского района (юго-восточный диалектный тип) Республики Мордовия, для эрзянских говоров сёл Чувашской Республики, многих говоров Нижегородской области, а также эрзянских говоров Шенталинского района Самарской области [1, 164; 25, 256].

По мнению Д. Т. Надькина, суффикс генитива *-št'* образовался от указательного форманта *-ž-* и указательного местоимения *t'e*: **kudo-ž- + t'e > kudošt'*. Он считает, что первоначально элемент *-ž-* являлся усечённой формой генитива на *-ž*, который спорадически встречается в нижнепьянском диалекте в определённом склонении наряду с формой генитива на *-žin* (**ileježin*) в аналитических конструкциях типа *kudož vaksne* 'около дома того' [12, 55].

Д. В. Цыганкин отмечает, что суффикс генитива определённого склонения *-št'* состоит из элемента *-š-*, который перешёл из номинатива, + элемент *-t'*. Образовавшаяся морфема *-št'* не сохранила генитивного показателя *-ń*. Его функцию стал выполнять элемент *-š-*, но только после

того, как наряду с формами типа *kudo-ž-i-ń* 'дома (определённого)' в говорах стали функционировать усечённые формы генитива типа *kudo-ž / kudo-š*. [23, 22].

Как видим, оба исследователя связывают элемент *-š* в составе суффикса генитива-аккузатива *-št'* с усечённой формой генитива *-ž*, а элемент *-t'* – с указательным местоимением **tV*.

По нашему мнению, диалектный суффикс генитива-аккузатива *-št'* образовался иначе. Элемент *-š-* необходимо связывать с морфемой определённости *-š* дейктического происхождения, как и во всей парадигме определённого склонения единственного числа, а элемент *-t'* нужно связать с суффиксом аккузатива *-t*, встречающегося в ряде финно-угорских языков. На наш взгляд, существует косвенная связь этого элемента с падежным маркером аккузатива *-t* современного венгерского языка, например: *férfi-t* 'мужчину', *fű-t* 'траву', *víz-t* 'воду', *tű-t* 'иглу'.

Можно допустить, что и в эрзянском языке первоначально элемент *-t'* в морфеме *-št'* выступал только со значением прямого объекта в аккузативе. Это подтверждает диалектный материал, зафиксированный на территории Заволжья и Южного Урала. В эрзянских говорах Новомалыклинского района Ульяновской области до настоящего времени сохранилась дифференциация падежных форм генитива и аккузатива определённого склонения. В этих говорах падежным маркером аккузатива выступает суффикс *-št'*: *šakš-o-š-t'* (горшок-INT-DEF.SG-ACC) 'этот горшок', *lomań-e-š-t'* (человек-INT-DEF.SG-ACC) 'этого человека', *piks-e-š-t'* (верёвка-INT-DEF.SG-ACC) 'эту верёвку'. В генитиве употребляется суффикс *-ž-i-ń*: *šakš-o-ž-i-ń* (горшок-INT-DEF.SG-INT-GEN) 'этого горшка', *lomań-e-ž-i-ń* (человек-INT-DEF.SG-INT-GEN) 'этого человека', *piks-e-ž-i-ń* (верёвка-INT-DEF.SG-INT-GEN) 'этой верёвки'.

(1) ст.бск

<i>ki</i>	<i>l'emd'-i-ž-e</i>	<i>t'e</i>	<i>kezeřin</i>	<i>úel'e-š-t'</i>
Кто	назвать-1PRET-SBJ.3SG-OBJ.3SG.O	это	древний	село-DEF.SG-ACC
<i>išt'amo</i>	<i>l'em-sę</i>			
такой	имя-INE			
'Кто назвал это древнее село таким именем?'				

(2) в.клк.

<i>a</i>	<i>rodnoj ava-š</i>	<i>te</i>	<i>tejt'er-e-š-t'</i>	<i>úečkeme ež</i>	<i>garma</i>
не родной	мать-DEF.SG.NOM	это	дочь-INT-DEF.SG-ACC	любить не	стать-INF
'Мачеха эту дочь любить не стала'					

(3) ст.бск.

t'erkuva-ž-i-ń *alo-v* *ę'ravi* *meže-jak* *putmoks*
церковь-DEF.SG-INT-GEN под-LAT надо что-ENCL класть-INF
'Под церковь надо что-то положить'

(4) алкс.

pervoj-t' *ę'rica-t'-ne* *te* *moda-ž-i-ń*
первый-PL жить-PTCP-PL-DEF.PL это земля-DEF.SG-INT-GEN
langs *sa-s'-t'* *pek* *umok*
на прийти-1PRET.3SG-PL очень давно
'Первые жители на эту землю пришли очень давно'

Структура данных падежных словоформ в парадигме определённого склонения единственного числа характеризуется логичностью и последовательностью расположения морфологических маркеров: основа слова – морфема определённости – падежный суффикс (таблица 1).

Таблица 1

Парадигма определённого склонения единственного числа

падеж	Н.МЛК.	Э. Л.	рус.
Ном.	<i>kilev-e-s'</i>	киле-е-сь	та берёза
Ген.	<i>kilev-e-ž-i-ń</i>	киле-е-н-ть	той берёзы
Акк.	<i>kilev-e-s'-½</i>	киле-е-н-ть	ту берёзу
Дат.	<i>kilev-e-ž-ne</i>	киле-е-нт-ень	той берёзе
Аблат.	<i>kilev-e-ž-d'e</i>	килей-де-нть	о той берёзе
Инес.	<i>kilev-e-s'-ne</i>	килей-сэ-нть	в той берёзе
Элат.	<i>kilev-e-ž-d'e</i>	килей-стэ-нть	из той берёзы
Иллат.	<i>kilev-e-ž-ne</i>	киле-е-нт-ень	в ту берёзу
Пролат.	<i>kilev-e-ž-ga</i>	килей-га-нть	по той берёзе
Комп.	<i>kilev-e-ž-e-ška</i>	килей-шка-нть	с ту берёзу
Абес.	<i>kilev-e-ž-i-ń-½eme</i>	килей-теме-нть	без той берёзы

В эрзянском кодифицированном языке морфема определённости *-сь* встречается только в номинативе, в генитиве – *-ть*, во всех остальных падежах – *-нть*, падежный маркер чаще всего находится после основы слова. Диалектные формы, напротив, характеризуются наличием единой морфемы определённости *-s'* / *-ž-* во всей парадигме склонения, а морфологический маркер падежа всегда занимает место в конце слова после морфемы определённости.

Единая структура диалектных форм приведённой парадигмы является аргументом в пользу древности новомалыклинских форм определённого склонения. Все это позволяет утверждать, что в этой парадигме в словоформе *kilev-e-s'-t'* 'ту берёзу' морфологический маркер *-t'* является показателем аккузатива.

Наличие падежных форм генитива определённого склонения с суффиксами *-žin* и *-s't'* также отмечается Д. Т. Надькиным в нижнепьянском диалекте Нижегородской области [13, 63–68].

О дифференциации семантики принадлежности, передаваемой с помощью суффикса генитива *-ń*, и семантики прямого объекта, передаваемой с помощью суффикса аккузатива *-t'*, на наш взгляд, говорит параллельное употребление падежных форм с суффиксами *-ńt'* и *-s't'* в определённом склонении, зафиксированное нами в говорах сел Кочкурово Дубенского района Республики Мордовия, Лопатино и Сускан Ставропольского района, Сиделькино, Старое Эштебенькино, Новое Урметьево Челновершинского района Самарской области. Сравните:

Аккузатив:

(5) кчк.

<i>kund-i-ž</i>	<i>raužo</i>	<i>saraz-o-š-t'</i>
поймать-1PRET.SG.-3P.PL.O	чёрный	курица-INT-DEF.SG-ACC
‘Они поймали чёрную курицу’		

(6) сдлк.

<i>kartiška-n</i>	<i>udop-š-t'</i>	<i>eřabi</i>	<i>purnams</i>
картошка-GEN	ботва-DEF.SG-ACC	надо	собрать-INF
‘Эту картофельную ботву надо убрать’			

Генитив:

(7) кчк.

<i>ežeñ-e-ñ-t'</i>		<i>lank-s</i>		<i>puto-ž-e-ł-t'</i>
скамья-INT-GEN-DEF.SG		на-ILLA		поставить-PTCP-INT-2PRET.3SG-PL
<i>vakan-t</i>	<i>dḷ</i>	<i>kšḷ</i>	<i>marto</i>	<i>pargo</i>
миска-PL	и	хлеб	с	лукошко
‘На скамье находились миски и лукошко с хлебом’				

(8) сдлк.

<i>siñ sa-š-t'</i>	<i>t'ej</i>	<i>eřamo</i>	<i>miñek</i>	<i>uřva-ñ-t'</i>	<i>úele-stę</i>
они приехать-1PRET.3SG-PL	сюда	жить	мы.GEN	сноха-GEN-DEF.SG	село-ELA
‘Они приехали жить сюда из села нашей снохи’					

2. Рефлексы аккузатива в падежных формах личных местоимений эрзянского диалектного ареала

В кодифицированном языке и во многих диалектах и говорах эрзянского языка личные местоимения *тон* ‘я’, *тон* ‘ты’ в генитиве и аккузативе

1-го и 2-го лица имеют морфологический маркер *-ñ*: *тоñ* ‘мой’, ‘меня’, *тоñ* ‘твой’, ‘тебя’.

В эрзянском диалектном ареале в системе личных местоимений зафиксированы следующие формы генитива-аккузатива: *тоñt'* ‘твой’, ‘тебя’, *sonzeř* ‘его’.

(9) в.пвл.

<i>toñ-t'</i>	<i>cora-t</i>	<i>tozi-j</i>	<i>karma-š</i>	<i>strojamo</i>
ты-GEN	сын-2SG.POSS	туда-LAT	начать-1PRET.3SG	строить-INF
‘Твой сын там (букв.: туда) начал строиться’				

(10) спж.

<i>kunda-t-a-n</i>	<i>toñ-t'</i>	<i>pil'e-d'e</i>
поймать-2SG.OBJ-FUT-1SG.SBJ.O	ты-ACC	ухо-ABL
‘Я тебя поймаю за ухо’		

(11) квц.

<i>sonzeř-t'</i>	<i>pakša-zo</i>	<i>sakšn-i</i>	<i>motižamo</i>
он-GEN	ребёнок-3SG.POSS	приходить-FUT.3SG.	мотыжить-INF
‘Его ребёнок приходит мотыжить’			

(12) шстк.

<i>star-c-a-t'</i>	<i>sonzeř-t'</i>	<i>úel'e</i>	<i>p'e-stę</i>
догнать-1SG.SBJ-FUT-3SG.OBJ.O	он-ACC	село	конец-ELA
‘Я его догоню в конце села’			

Форма генитива и аккузатива *toñt* 'твой', 'тебя' встречается также в северо-западном диалекте и в некоторых говорах юго-восточного диалекта Республики Мордовия. В этой словоформе элемент *-t* принято считать посессивным суффиксом. М. Е. Евсеев элемент *-t* в составе этой падежной формы выделяет как личный местоименный суффикс 2-го л. ед. ч. [9, 150]. Д. В. Бубрих отмечает, что в формах такого типа «по смыслу никакой притяжательной суффиксации нет. По смыслу тут подчёркивание лица, числа личных местоимений, а в конечном счёте удвоение личных местоимений» [6, 83]. Д. Т. Надькин в нижнепьянском диалекте в парадигме личных местоимений в генитиве также указывает форму *toñt* 'твой', в составе которой выделяет добавочный формант *-t* [12, 160].

На наш взгляд, в этих говорах в суффиксе генитива-аккузатива личных местоимений элемент *-t* выступал только со значением прямого объекта, как в финском языке, где до настоящего времени в аккузативе морфологический маркер *-t* сохранился в формах личных и вопросительных местоимений и противопоставляется генитиву с морфологическим маркером *-n*. Сравните: *minu-n* 'мой' – *minu-t* 'меня', *sinu-n* 'твой' – *sinu-t* 'тебя', *häne-n* 'его' – *häne-t* 'его', *meidä-n* 'наш' – *meidä-t* 'нас', *teidä-n* 'ваш' – *teidä-t* 'вас', *heidä-n* 'их' – *heidä-t* 'их'; *kenen* 'чей?' – *kene-t* 'кого?'.

В кызымском диалекте хантыйского языка в парадигме личных местоимений винительный падеж также маркируется суффиксом *-t* и имеет две серии аффиксов: *мән-эт* и *мән-ты* 'меня', *нәү-эт* и *нәү-ты* 'тебя', *лүв-эт* и *лүв-ты* 'его' [18, 108–110; 10, 32].

Сравнительный материал родственных языков позволяет говорить о том, что в диалектных формах генитива-аккузатива личных местоимений эрзянского языка элемент *-t* является реликтом суффикса аккузатива **-t* дейктического происхождения. Это обычное явление при упо-

треблении местоимений или других релятивных слов в качестве падежных формантов.

Обсуждение и заключение

Языковой материал эрзянских диалектов позволяет предположить существование в эрзянском языке морфологического маркера прямого объекта *-t*.

Реликт морфологического маркера прямого объекта *-t*, на наш взгляд, сохранился в диалектном суффиксе *-št* определённого склонения имени существительного. Многие исследователи считают, что суффикс *-št* передает семантику генитива и детерминативности. По нашему мнению, в суффиксе *-št* компонент *-š-* является морфемой определённости единственного числа как и в номинативе, а компонент *-t* – суффикс прямого объекта: *ñej-a-n lomañ-e-š-t* (видеть-PRES-SG.S человек-INT-DEF.SG-ACC) 'я вижу этого человека', *kundb-k saraz-o-š-t* (поймать-2SG.IMP.O курица-INT-DEF.SG-ACC) 'поймай курицу', *kevks'tems ćora-š-t* (спросить мужчина-DEF.SG-ACC) 'спросить мужчину'.

В эрзянских диалектах и говорах маркер прямого объекта *-t* прослеживается в формах генитива-аккузатива личных местоимений *toñt* 'твой', 'тебя', *sonzef* 'его'. Многие исследователи считают, что в форме *toñt* 'твой' компонент *-t* является посессивным суффиксом 2-го л. ед. ч. По-нашему мнению, в словоформах *toñt* 'твой', 'тебя', *sonzef* 'его' компонент *-t* изначально выражал только семантику прямого объекта. Доводом в пользу такой точки зрения являются формы аккузатива личных и вопросительных местоимений финского языка, а также соответствующие формы личных местоимений хантыйского языка.

В эрзянских говорах Заволжья и Южного Урала морфологический маркер прямого объекта *-t* нами зарегистрирован не только в падежных парадигмах имён, но и в парадигмах объектного спряжения будущего и прошедшего времени [4].

Сокращения

Глоссы: 1 – первое лицо, 2 – второе лицо, 3 – третье лицо, ACC – аккузатив, DEF – определенное склонение, ELA – элатив, ENCL – частица, FUT – будущее время, GEN – генитив, ILLA – иллатив, IMP – императив, INE – инессив, INF – инфинитив, INT – интерфикс, LAT – латив, NOM – номинатив, O – объектное спряжение, OBJ – объект, PL – множественное число, POSS – посессив, PRES – настоящее время, PRET – претерит, PTCP – причастие, SG – единственное число, SBJ – субъект,

алкс. – говор с. Александровка Новомалыклинского района Ульяновской области, **в.клк.** – говор с. Высокий Колок Новомалыклинского района Ульяновской области, **в.пвл.** – говор с. Верхнее Павлушкино Бугурусланского района Оренбургской области, **квц.** – говор с. Кивацкое Бугурусланского района Оренбургской области, **кчк.** – говор с. Кочкурово Дубенского района Республики Мордовия, **н.млк.** – говор с. Новая Малыкла Новомалыклинского района Ульяновской области, **рус.** – русский, **сдлк.** – говор с. Сиделькино Челновершинского района Самарской области,

спж. – говор с. Сапожкино Бугурусланского района Оренбургской области, **ст.бск.** – говор с. Старая Бесовка Новомалыклинского района Ульяновской области, **штск.** – говор с. Шестайкино Бугурусланского района Оренбургской области, **э.л.** – эрзянский литературный.

Список источников и литературы

1. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Парадигма определённого склонения в эрзянских говорах сёл Новомалыклинского района Ульяновской области // *Linguistica Uralica*. 2017. № 3. С. 161–178.
2. Агафонова Н. А., Рябов И. Н., Рябова Г. В. Программа по сбору диалектного материала эрзянского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 80 с.
3. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. К вопросу об аккузативе личных местоимений в эрзянских диалектах Заволжья и Южного Урала // *Филологический аспект*. 2020. № 11 (67). С. 13–18.
4. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Структура словоформ глаголов будущего времени объектного спряжения в эрзянских диалектах Заволжья и Южного Урала // *Вестник угроведения*. 2021. Т. 11. № 3. С. 407–417.
5. Бубрих Д. В. Эрзя-мордовская грамматика минимум. Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1947. 52 с.
6. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 272 с.
7. Грамматика мордовских языков: Фонетика и морфология / под ред. М. Н. Коляденкова, Р. А. Заводовой. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962. 374 с.
8. Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1980. 430 с.
9. Евсеев М. Е. Основы мордовской грамматики // *Избранные труды*. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 4. 470 с.
10. Кашкин Е. В. Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): именная морфология // *Урало-алтайские исследования*. 2019. № 2 (33). С. 22–37.
11. Мокшень кяль. Морфология = Мокшанский язык. Морфология / под ред. Н. С. Алямкина. Саранск: Красный Октябрь, 2000. 236 с.
12. Надькин Д. Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // *Очерки мордовских диалектов*. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. Т. 5. С. 3–198.
13. Надькин Д. Т. К истории указательных форм в мордовских языках // *Вопросы мордовского языкознания*. Вып. 42. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. С. 61–68.
14. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 481 с.
15. Рузанкин Н. И. Винительный падеж в мордовских и русском языках (соответствия и различия): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 21 с.
16. Серебренников Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М.: Наука, 1964. 184 с.
17. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.
18. Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А. Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Ижевск: Принт-2, 2016. 348 с.
19. Тихонова Т. М. Отражение формами объектного спряжения глагола прямого дополнения в мордовских языках // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Устинов: [б.и.], 1987. С. 194–196.
20. Феоктистов А. П. Мордовские языки // *Основы финно-угорского языкознания*. М.: Наука, 1975. С. 248–344.
21. Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 429 с.
22. Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1977. 104 с.
23. Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определённости-неопределённости и притяжательности). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978. 72 с.
24. Цыганкин Д. В. Эволюция падежных парадигм в эрзянском диалектном ареале // *Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды*. Саранск: Изд. центр Ист.-социол. ин-та, 2020. С. 222–226.
25. Цыганкин Д. В., Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Архаичные и инновационные явления в падежных парадигмах эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала // *Финно-угорский мир*. 2021. Т. 13. № 3. С. 254–264.
26. Чинаева Н. В. Способы выражения и семантические функции прямого объекта в мордовских (эрзянском и мокшанском) и финском языках: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2012. 159 с.
27. Чинаева Н. В. Грамматические средства выражения прямого объекта в мордовских языках // *Языки народов России: история и современность*. Западный: Антровита, 2017. С. 70–96.
28. Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология: вузонь эрзянь ды финнэнь отделениянь тонавтни-цятнень туртов. Саранск: Красный Октябрь, 2000. 280 с.
29. Ahlqvist A. Versuch einer Mokscha-Mordvinischen Grammatik. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861. 214 p.
30. Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960. 425 p.
31. Gabelentz H. C. Versuch einer Mordwinischen Grammatik // *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. Bd. II. Göttingen, 1839. pp. 235–284; 383–418.

32. Itkonen E. Die Laut – und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache // Ural-Altäische Jahrbücher. Wiesbaden: Harrassowitz, 1962. Bd 34. pp. 201–202.
33. Szinnyi J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1910. 161 p.
34. Wiedemann F. J. Grammatik der Erza-Mordwinischen Sprache. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1865. 261 p.

References

1. Agafonova N. A., Ryabov, I. N. *Paradigma opredelennogo skloneniya v erzyanskih govorah sel Novomalyklinskogo rajona Ulyanovskoj oblasti* [The paradigm of the definite declension in the Erzya dialects of the villages of Novomalyklinsky District in Ulyanovsk Oblast]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2017, no. 3, pp. 161–178. (In Russian)
2. Agafonova N. A., Ryabov I. N., Ryabova G. V. *Programma po sboru dialektnogo materiala erzyanskogo yazyka* [Program for collecting dialect material of Erzya language]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2018. 80 p. (In Russian)
3. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *K voprosu ob akkuzative lichnyh mestoimenij v erzyanskih dialektah Zavolzh'ya i Yuzhnogo Urala* [To the question about accusative personal pronouns in the Erzya dialects of the Volga Region and Southern Urals]. *Filologicheskij aspekt* [Philological Aspect], 2020, no. 11 (67), pp. 13–18. (In Russian)
4. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Struktura slovoform glagolov budushchego vremeni ob''ektного spryazheniya v erzyanskih dialektah Zavolzh'ya i Yuzhnogo Urala* [The structure of word forms of future tense verbs of object conjugation in the Erzya dialects of the Volga Region and Southern Urals]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (3), pp. 407–417. (In Russian)
5. Bubrikh D. V. *Erzya-mordovskaya grammatika minimum* [Erzya-Mordovian grammar minimum]. Saransk: Mordov. gos. izd-vo Publ., 1947. 52 p. (In Russian)
6. Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1953. 270 p. (In Russian)
7. *Grammatika mordovskih yazykov: fonetika i morfologiya* [Grammar of the Mordovian languages: phonetics and morphology]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1962. 376 p. (In Russian, Moksha, Erzya)
8. *Grammatika mordovskih yazykov. Fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya* [Grammar of the Mordovian languages. Phonetics, graphics, orthography, morphology]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1980. 430 p. (In Russian)
9. Evseyev M. E. *Osnovy mordovskoy grammatiki* [Fundamentals of Mordovian grammar]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. Vol. 4. 470 p. (In Russian)
10. Kashkin E. V. *Pamyatnik hantyjskoj pis'mennosti «Svyashchennaya istoriya» (Tobol'sk, 1900): imennaya morfologiya* [Monument of Khanty writing «The Holy History» (Tobolsk, 1900): nominal morphology]. *Uralo-altajskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies], 2019, no. 2 (33), pp. 22–37. (In Russian)
11. *Mokshen' kyal'. Morfologiya* [The Moksha language. Morphology]. Ed. by N. S. Alyamkin. Saransk: Krasnyj Oktyabr Publ., 2000. 236 p. (In Moksha)
12. Nadkin D. T. *Morfologiya nizhnep'yanskogo dialekta erzya-mordovskogo yazyka* [Morphology of the Lower-Pyan dialect of the Erzya-Mordovian language]. *Ocherki mordovskih dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1968. Vol. 5. pp. 3–198. (In Russian)
13. Nadkin D. T. *K istorii ukazatel'nyh form v mordovskih yazykah* [To the history of demonstrative forms in the Mordovian languages]. *Voprosy mordovskogo yazykoznaniya* [Issues of Mordovian linguistics]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., Vol. 42. 1972. pp. 61–68. (In Russian)
14. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Voprosy proishozhdeniya i razvitiya finno-ugorskih yazykov* [Fundamentals of the Finno-Ugric linguistics. Issues of origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 481 p. (In Russian)
15. Ruzankin N. I. *Vinitel'nyj padezh v mordovskih i russkom yazykah (sootvetstviya i razlichiya)* [Accusative case in the Mordovian and Russian languages (correspondences and differences)]. Moscow, 1985. 21 p. (In Russian)
16. Serebrennikov B. A. *Osnovnye linii razvitiya padezhnoj i glagol'noj sistem v ural'skih yazykah* [Main lines of development of the case and verb systems in the Uralic languages]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 184 p. (In Russian)
17. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of the Mordovian languages]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 389 p. (In Russian)
18. Solovar V. N., Nakhracheva G. L., Shiyanova A. A. *Dialekty hantyjskogo yazyka* [Dialects of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk: Izhevsk: OOO Print-2 Publ., 2016. 348 p. (In Russian)
19. Tikhonova T. M. *Otazhenie formami obektnogo spryazheniya glagola pryamogo dopolneniya v mordovskih yazykah* [Reflection by the forms of the object conjugation of the verb of direct object in the Mordovian languages]. *XVII Vsesoyuznaya finno-ugorskaya konferenciya* [XVII All-Union Finno-Ugric Conference]. Ustinov: [w/p], 1987. pp. 194–196. (In Russian)
20. Feoktistov A. P. *Mordovskiye yazyki* [Mordovian languages]. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1975. pp. 248–344. (In Russian)
21. Khaydu P. *Ural'skiye yazyki i narody* [Uralic languages and peoples]. Moscow: Progress Publ., 1985. 429 p. (In Russian)
22. Tsygankin D. V. *Grammaticheskiye kategorii imeni sushchestvitelnogo v dialektakh erzya-mordovskogo yazyka* [Grammatical categories of a noun in the dialects of the Erzya language]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1977. 104 p. (In Russian)

23. Tsygankin D. V. *Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitelnogo v dialektah erzya-mordovskogo yazyka (opredelyonnosti-neopredelyonnosti i prityazhatel'nosti)* [Grammatical categories of a noun in the dialects of the Erzya-Mordovian language (definiteness and indefiniteness and possessiveness)]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1978. 72 p. (In Russian).
24. Tsygankin D. V. *Evolyuciya padezhnyh paradigm v erzyanskom dialektnom areale* [Evolution of the case paradigms in the Erzya dialect area]. *Finno-ugorskie narody v kontekste formirovaniya obshcherossijskoj grazhdanskoj identichnosti i menyayushcheysya okruzhayushchej sredy* [Finno-Ugric Peoples in the context of formation of all-Russian civil identity and the changing environment]. Saransk: Izd. centr Ist.-sociol. in-ta Publ., 2020. pp. 222–226. (In Russian)
25. Tsygankin D. V., Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Arhaichnye i innovacionnye yavleniya v padezhnyh paradigmah erzyanskih dialektov Zavolzh'ya i Yuzhnogo Urala* [Archaic and innovative phenomena in the case paradigms of the Erzya dialects in the Volga region and the Southern Urals]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World], 2021, no. 13 (3), pp. 254–264. (In Russian)
26. Chinaeva N. V. *Sposoby vyrazheniya i semanticheskie funktsii prjamogo objekta v mordovskikh (erzjanskom i mokshanskom) i finskom jazykah* [Ways of expression and semantic functions of the direct object in the Mordovian (Erzya and Moksha) and Finnish languages]. Saransk, 2012. 159 p. (In Russian)
27. Chinaeva N. V. *Grammaticheskie sredstva vyrazheniya pryamogo obekta v mordovskikh yazykah* [Grammatical means of expression of the direct object in the Mordovian languages]. *Yazyki narodov Rossii: istoriya i sovremennost* [Languages of the peoples of Russia: history and modernity]. Zapadny: Antrovita Publ., 2017. pp. 70–96. (In Russian)
28. *Erzyan'kel'. Morfemika, valon'teevema dy morfologiya: vuzon'erzyan'dyfinnen'otdeleniyan'tonavnicyatnen'turtov* [The Erzya language. Morphemics, word-formation and morphology: for students of Erzya and Finno-Ugric departments of the university]. Saransk: Krasnyi Oktyabr Publ., 2000. 280 p. (In Erzya)
29. Ahlqvist A. *Versuch einer Mokscha-Mordvinischen Grammatik*. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1861. 214 p. (In German)
30. Collinder B. *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960. 425 p. (In English)
31. Gabelentz H. C. *Versuch einer Mordwinischen Grammatik. Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. Bd. II. Göttingen, 1839. pp. 235–284; 383–418. (In German)
32. Itkonen E. *Die Laut – und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache*. Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden: Harrassowitz, 1962. Bd. 34. pp. 201–202. (In German)
33. Szinnyei J. *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*. Berlin-Leipzig, 1922. 133 p. (In German)
34. Wiedemann F. J. *Grammatik der Ersa-Mordwinischen Sprache*. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1865. 261 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонова Нина Афанасьевна, доцент кафедры мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат филологических наук, доцент.

ohanina@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-8751-2751

Рябов Иван Николаевич, заведующий кафедрой мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат филологических наук, доцент.

ryabov.74@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-6760-4376

ABOUT THE AUTHORS

Agafonova Nina Afanasyevna, Associate Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

ohanina@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-8751-2751

Ryabov Ivan Nikolayevich, Head of the Department of the Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

ryabov.74@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-6760-4376